

УДК 377(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-95-110

Циркуляры Министерства народного просвещения о нарушениях в средних образовательных учреждениях Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Евгений В. Шандулин

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
shandulin@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению нарушений дисциплины и порядка в общеобразовательных средних учебных заведениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. В основе лежит изучение материалов циркулярных предписаний Министерства Народного просвещения с применением самых крайних мер лишения права на обучение в образовательных учреждениях страны. Проанализированы количественный и качественный состав нарушений, их динамика развития и взаимосвязь этого процесса с общ историческими процессами в российском обществе в указанный период. Сделаны выводы о нарастании революционного кризиса в обществе на примере образовательной системы в определенных временных рамках, иллюстрирующих развитие социального кризиса в России в начале XX в. Рассмотрены пропорции политических, административных и уголовных преступлений в средних образовательных учреждениях страны. В статье сделаны наблюдения о религиозном, национальном и половом составе нарушителей в средних учебных заведениях на рубеже веков и указаны некоторые меры правительства по нормализации ситуации в обществе.

Ключевые слова: средние учебные заведения, Российская империя, гимназии, реальные училища, воспитательный процесс в дореволюционной России

Для цитирования: Шандулин Е.В. Циркуляры Министерства народного просвещения о нарушениях в средних образовательных учреждениях Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 95–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-95-110

© Шандулин Е.В., 2025

Circulars of the Ministry of Public Education
on violations in secondary educational institutions
of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century

Evgenii V. Shandulin

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
shandulin@yandex.ru*

Abstract. The article examines violations of discipline and order in general secondary educational institutions of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries. The research is based on the materials of the circular regulations of the Ministry of Public Education which include the most extreme measures of deprivation of the right to study in educational institutions of the country. The quantitative and qualitative composition of violations, the dynamics of their development and the interaction of this process with the general historical processes in Russian society during this time period are analyzed. Conclusions are drawn about the growing revolutionary crisis in society including the example of the educational system within definite time and the development of the social crisis in Russia at the beginning of the 20th century. The proportions of political, administrative and criminal offenses in secondary educational institutions of the country are considered. The article makes observations about religious, national and sexual violators in secondary educational institutions at the turn of the 19th – 20th centuries and indicates some measures the government undertook to normalize the situation in the society.

Keywords: secondary educational institutions, the Russian Empire, gymnasiums, real schools, the educational process in pre-revolutionary Russia

For citation: Shandulin, E.V. (2025), “Circulars of the Ministry of Public Education on violations in secondary educational institutions of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 95–110, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-95-110

Введение

Тематика воспитания является одной из популярных тем исследований в отношении дореволюционной общеобразовательной системы, ее структуры и направленности [Перцев 2016]. Внимание в историографии к социальной и политической составляющей этого процесса расставляет акценты в ракурсе отношений власти и общества в широком контексте [Овчинникова, Козлова, Бозиев 2016] протестной активности учащейся университетской молодежи к на-

чалу XX в. [Пашкова 2014; Пашкова 2011]. Между тем нарушения в общеобразовательных учреждениях дореволюционной России не замыкались на политических или воспитательных вопросах. Сам процесс воспитания, по признанию исследователей, имел огромное значение для образовательной системы дореволюционной России [Перцев 2016]. Лишение права получать образование для ученика того времени было косвенным признанием провала процесса воспитания. Нарушения учениками порядка работы образовательных учреждений в дореволюционной России не являлись редким или уникальным явлением, отразившимся на работе не только столичных, но и региональных учебных заведений. Динамика развития нарушений в литературе справедливо рассматривается в контексте происходивших в стране событий, однако редко является самостоятельным предметом для изучения. Изменения в характере нарушений в период второй половины XIX – начала XX в. могут показать серьезные сдвиги в поведенческой модели учеников средних учебных заведений, что вполне отражает общие тенденции в обществе. В этой связи любопытной выглядит постановка проблемы взаимосвязи качества соблюдения общего распорядка работы в образовательной системе с социальными и связанными с ними политическими аспектами жизни общества в целом. Этот ракурс анализа важен ввиду того факта, что поведение детей, которые не вступили в период самостоятельной жизни, сильно зависит от окружающей обстановки. Максимальный возрастной потолок учащихся средних учебных заведений в дореволюционной России, как правило, не превышал 16–17 лет, хотя единых жестких правил по регулированию возрастного ценза в стране не было и были отступления от этого порога.

Гимназии и прогимназии относились к общеобразовательным учреждениям Министерства Народного просвещения [Любжин 2018, с. 327], к которым в начале XX в. нормативно были «подтянуты» реальные училища. Они задавали структурную и нормативную планку, на которую равнялись все остальные средние образовательные учреждения страны. К началу XX в. нормативная система в России прошла долгий период развития и в целом достигла нового качественного состояния [Хаминов 2022, с. 295], однако это не привело к резкому росту качества воспитательной и административной работы в учреждениях.

Переход российского общества к революционному кризису не был одномоментным. На примере средней школы видно, что политически мотивированным действиям общества предшествовал длительный период нарастания потока социальных нарушений и отступлений от существующих правил и распорядка работы.

Революционный кризис связан с ростом девиантного поведения, который можно отследить через документы, отражающие нормативную составляющую жизни образовательного учреждения. Одним из таких источников являются циркуляры Министерства народного просвещения Российской империи. Эта разновидность делопроизводственной документации наиболее близка по смыслу современному понятию «рассылка», когда вышестоящее лицо или структура рассылает распоряжения или справочную информацию нижестоящей группе лиц или учреждений. Циркуляры носили в тот период как справочный, так и регламентный характер, в зависимости от содержания. Все циркуляры подшивались в единый журнал входящей документации и хранились в гимназии или училище для отчетности.

Переход в конце XIX в. служебной переписки с рукописной в печатную машинописную форму резко увеличил количество переписки, значительный объем которой и составляли министерские «циркуляры». Учитывая управленческую природу происхождения циркуляров, стоит отметить, что содержащаяся в них информация рассылалась всем образовательным учреждениям округа от имени Министерства народного просвещения и могла дублироваться во входящем журнале других учреждений. При поиске материалов приходится учитывать временные факторы публикации, чтобы избежать дублирования событий в разных учреждениях.

Содержащаяся в делопроизводственных документах информация достаточно явственно отражает широту и глубину социального процесса, охватывающего территорию всей империи. Тот или иной прецедент в образовательном учреждении страны через циркуляр становился значимым фактором для целого региона в рамках учебного округа и даже всей страны, что отражало историческую ситуацию не только регионального, но и общенационального характера.

Циркуляры МНП как источник по деятельности средних образовательных учреждений

Интенсивность циркуляров с образовательными структурами в второй половине XIX – начале XX в. не была однородной. В течение одного календарного года в 70-е годы XIX в. прямой подсчет отложившихся документов в одном образовательном учреждении в рукописной форме показывает, что их численность не превышала одной сотни писем. К концу века этот показатель стал выше во многом за счет рассылаемых материалов других организаций, которые в соответствии с предписаниями министерства увеличивали

горизонтальный документооборот между учреждениями. С введением в практику документооборота с применением печатной машинки, начиная с 1898 г., число циркуляров продолжило расти вместе с ростом сопроводительной и справочной информации в более высоких темпах. Объем журнала общей переписки за календарный год в начале XX в. составлял уже более 300 документов разного рода и характера в зависимости от степени сохранности материалов в учреждении. Можно констатировать, что с учетом ежегодной объемной отчетности о деятельности учреждений перед министерством документационная нагрузка на образовательные учреждения существенно выросла. Структурно общая переписка образовательных учреждений с министерством народного просвещения может быть поделена на несколько больших тематических групп, в которых в разных пропорциях выделяются вопросы методического характера, финансовые проблемы, а также вопросы организации учебного процесса.

В этой связи стоит особо отметить такое направление, как воспитательная работа в учреждениях. Документы, отражающие вопросы контроля и воспитания обучающихся обладают собственной содержательной динамикой. В этом отношении наиболее показательным маркером социальной динамики проблем воспитательной работы стали циркулярные уведомления учреждений образовательного округа о выявленных нарушениях учениками каких-либо школ правил поведения или регламента работы.

Нормативно циркуляры до начала XX в. основывались на правилах работы средних образовательных учреждений от 1874 г.¹, в которых выделялись 19 степеней нарушений учениками регламента работы учреждений, за которые следовали соответствующие санкции, начиная от обычной беседы с преподавателем, поднимаясь до карцера и даже полного исключения из состава учеников учреждения без права поступления в какое-либо образовательное учреждение в дальнейшем. Циркулярно министерство через попечителя образовательного округа уведомляло всех директоров гимназий и реальных училищ об отчислении учащегося из учебного заведения, характере правонарушения и в некоторых случаях предписывало не принимать его более ни в какие образовательные структуры в дальнейшем. Это была самая жесткая норма запрета, предусмотренная в рамках прав министерства народного просвещения, которая применялась при

¹ Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (Утвержденные министром народного просвещения 4 мая 1874 г.). Казань, 1874.

серьезных преступлениях, выше которых следовала административная или уголовная ответственность вне пределов образовательной системы.

Стоит отметить, что прецедентами выступали нарушения или преступления, совершенные на всей территории страны, а не только в одном образовательном округе. Предполагалось, что ученик, совершивший правонарушение в одном регионе, больше не должен иметь возможности проходить обучения нигде на территории империи ни в каком образовательном округе.

Циркуляры правительства, ограничивающие право на обучение, являются крайней мерой, и их наличие говорит о падении дисциплины в школе и необходимости корректировки социальной работы в обществе. Это стойкий маркер нарастающих общих проблем в управлении образовательной системой, свидетельствующих о крайне серьезных нарушениях, которые доводятся до сведения директоров учреждений через попечителей для усиления воспитательной работы.

Проанализировав состав этих циркуляров в начале XX в., можно получить представление о характере происходивших в школе изменений и некоторых социальных процессах, проявляющихся в экстраординарной форме. Также любопытной с научной точки зрения оказалась иерархия самих правонарушений, за которые полагалась такая жесткая ограничительная норма. В материалах некоторых средних учебных заведений сохранились достаточно полные наборы циркуляров, которые позволяют делать оценки, что дает возможность провести выборочный количественный анализ, и прийти к заключению об общих трендах социальных процессов в системе образования.

До начала XX в. циркуляры с использованием запретов на обучение встречаются достаточно редко. Первыми самыми заметными случаями, попавшими в рассылки Министерства народного просвещения, были ситуации с использованием огнестрельного оружия в учебных заведениях в развлекательных целях. Такая опасная ситуация, например, была в 1878 г., когда один ученик ранил другого на перемене по неосторожности². В этом случае министр народного просвещения граф Д.А. Толстой предписывал усилить надзор в учреждениях и со стороны родителей для недопущения попадания оружия в образовательные учреждения. Подобные ситуации возникали достаточно регулярно вплоть до первой российской революции, но редко сопровождались персональными

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 349. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.

ограничениями на право обучения. По всей вероятности, возникавшие вопросы с учениками решались местными властями, и необходимости оповещать все учебные округа о тех или иных взысканиях у правительства не возникало.

Период революции и последовавшей мировой войны резко усугубил ситуацию с воспитательной работой в учреждениях, «нарушил нормальное течение жизни школы», что признавалась самим министерством: в сложившейся ситуации «одного надзора и дисциплинарных взысканий недостаточно»³. Первые циркуляры от правительства, наказывающие учеников за поведение лишением права обучаться в образовательных учреждениях, появляются в начале XX в. В этот период наиболее заметными были материалы об усилении надзора за поведением учеников в увольнении, летних каникулах, на железной дороге и т. д.⁴ Наиболее частыми случаями были административные вопросы несоблюдения дисциплины, нарушения формы одежды в общественных местах, непредставления документов надзирателю и т. д. Однако ограничение на право обучения массово не применялось, а единичные случаи запрета зачастую сопровождалось через некоторое время его снятием. Политические мотивировки в 1901–1904 гг. находились в явном меньшинстве и редко раскрывали суть нарушения, ограничиваясь пометкой о политической неблагонадежности. Эта словесная формула, судя по документам, также использовалась в сопроводительных письмах (характеристиках) при переводах учеников на новое место обучения и до первой российской революции в циркулярах была относительной редкостью.

Резкий скачок циркулярных писем с применением п. 19 правил о работе образовательных учреждений от имени попечителя Харьковского учебного округа происходит в период с весны до декабря 1905 г. В фонде Новочеркасского реального училища отложилась группа таких материалов, согласно которым в стране педагогическими советами средних учебных заведений начали активно применяться правила исключения учеников из состава учебных заведений. Из 30 имеющихся в фонде писем этого периода более половины составляли письма с санкциями против учащихся средних специальных и педагогических училищ. Ученики среди классических гимназий и реальных училищ встречаются значительно реже. Появились формулировки о политической неблагонадежности, которые составили большую часть обоснований нарушений.

³ Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 30. Л. 43.

⁴ Там же. Д. 20. Л. 246.

Административные, уголовные или религиозные нарушения в этот период составили менее 10% писем с формулировками: «за оскорбление действием училищного начальства»⁵, «неподчинение требованиям совета, направленным для поддержания... порядка и спокойствия». Наиболее часто встречающиеся формулировки носили выраженный политический характер: «ввиду политической неблагонадежности»⁶. Также можно найти целые списки учеников по некоторым гимназиям, которыми администрации уведомляли окружного попечителя о количестве отчисленных учеников по п. 17 нарушений правил гимназий и прогимназий, например за пропуски без уважительной причины с правом восстановления в учреждении, сопоставимо с количеством отчисленных по п. 19 без права на дальнейшее обучение. Часть циркуляров в 1905 и 1906 гг. носили пометку «секретно», хотя в дальнейшем этот гриф на такого рода документах уже не использовался. По всей видимости власти начали использовать впоследствии этот тип документов как публичный материал для воспитательной работы.

Несмотря на несистемный характер отложившихся материалов периода первой российской революции можно констатировать, что около четверти материалов нельзя однозначно определить по степени совершенного нарушения, так как письмоводители не всегда называли причину запрета на обучение и характер нарушения, отмечая, например, только формулировку, запрещающую дальнейшее обучение. В 1905 г. нарушения встречаются как среди православных, так и среди евреев. Другие конфессиональные группы в циркулярах встречаются достаточно редко. Этот фактор зависит от региона, однако стоит отметить, что количественно число циркуляров по нарушителям православного и иудейского вероисповедания сопоставимо. С 1906 г. число циркуляров с ограничениями на получение образования резко снижается. Несколько лет ситуация, очевидно, оставалась под контролем администраций, и количественно объем писем с применением отчислений практически сравним с объемом таких писем начала века до первой революции. На первый план снова выходят вопросы посещения занятий, дисциплины и т. д.

С 1911 г. ситуация с циркулярными письмами резко меняется. Появляются многочисленные правительственные циркуляры, связанные с хулиганским или социально опасным поведением учеников: поджоги⁷, подложные документы о крещении (для

⁵ Там же. Ф. 349. Оп. 1. Д. 437. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 5, 6, 7.

⁷ Там же. Ф. 347. Оп. 1. Д. 10. Л. 227.

иудеев)⁸, состояние в преступном сообществе⁹. Произошел очевидный рост уголовных преступлений среди учеников. В дальнейшем эта категория нарушений будет составлять не менее четверти всех обоснований на лишение права обучения.

В 1911 г. в связи с появлением таких циркуляров министерство рассылало специальные пояснения использования п. 19 правил о взысканиях с учеников гимназий и прогимназий 1874 г.¹⁰ В этих пояснениях указывалось, что, «по мнению товарища министра Георгиевского», применение самой жесткой меры наказания оправдано. Также в тексте рекомендаций добавляется, что необходимо в выдаваемых документах при отчислении указывать статью, по которой ученик отчислялся из состава учреждения, что до этого делалось нерегулярно. Гриф «секретно» с писем был снят, и они стали встречаться значительно чаще.

Таким образом, наличие п. 19 правил о взысканиях в справке об обучении, которую получал ученик при отчислении, с этого времени стояла пометка, которая запрещала всякую возможность учиться дальше.

С началом Первой мировой войны ситуация еще более обострилась. Всего за два неполных военных года только в журнале нахичеванской-на-Дону мужской гимназии отложились более 50 писем с предписаниями о запрете на обучение по преступлениям учеников, совершенных на территории империи. Типологически нарушения в этот период можно поделить на несколько групп, часть из которых носит уголовный характер, а часть имеет состав преступления, характерный для периода войны и связанный с нарушением политических, культурных и религиозных норм.

Одну группу, около трети от общего числа, составили уголовные преступления, которые были связаны с мошенничеством, вымогательством, угрозой жизни ученику или учителю и даже убийства. Эта группа не составляла абсолютного большинства в общей выборке правонарушений, однако попадала в циркуляры министерства по всему Харьковскому учебному округу как критически важная. Осенью 1914 г. воспитанник Благовещенской учительской семинарии Уфимской губернии был уволен из семинарии по решению педагогического совета за «нанесение кинжалом раны воспитаннику того же класса... лишен права поступления в какое-либо учебное заведение ведомства народного просвещения»¹¹.

⁸ Там же. Л. 243.

⁹ Там же. Л. 184.

¹⁰ Там же. Л. 240.

¹¹ Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 15. Л. 298.

Были указаны случаи нападения не только на учеников, но и на учителей¹², «покушение на кражу при оружии»¹³. Как уже отмечалось, до начала XX в. за оружие в учебных заведениях так жестко не наказывали, что говорит о явно возросшей социальной опасности и более осознанном применении оружия.

Вторую крупную группу, так же около трети от общей массы циркуляров такого рода, составили правонарушения, которые квалифицировались как оскорбительные с религиозной или социальной точки зрения. Тут наблюдается заметное разнообразие формулировок в мотивировочной части, так как ситуации были достаточно разнородны.

Осенью 1914 г. ученик среднего учебного заведения г. Харькова в общественном месте неподобающе себя вел, был без «выходного билета» и отказался идти с наблюдателем для выяснения личности. По итогам разбирательства министерством ученик циркулярно лишался права поступать и учиться в учреждениях города. Причем в документе прописано, что впредь, если ученики не будут «беспрекословно исполнять предложения наблюдателя отправиться вместе с ним для выяснения личности или другой цели, оказывать полное повиновение требованиям наблюдателя, то будут подвергаться строгому взысканию, не исключая и высшей меры его исключения из учебного заведения даже без права поступления в другое»¹⁴. Вполне очевидно, что подобный случай не был в регионе в этот период исключительным, а стал частым явлением, что вынудило администрацию превращать циркулярные распоряжения в карательные и воспитательные меры, ориентируя руководство учебных заведений поступать соответственно. Встречаются формулировки «оскорбление действием преподавателя»¹⁵, «оскорбление действием исполняющего обязанности инспектора» училища¹⁶, за которое также следовало исключение из учреждения.

Есть в числе документов оскорбления религиозного характера, где нередко наказывались «инородцы». Например, «ученик... Ицхак Логинский отчисляется из ремесленной школы без права поступления в другое заведение “за поругание в присутствии учеников школы площадной бранью животворящего Креста Господня”»¹⁷.

¹² Там же. Д. 30. Л. 123.

¹³ Там же. Л. 77.

¹⁴ Там же. Д. 15. Л. 292.

¹⁵ Там же. Д. 30. Л. 180.

¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 241.

¹⁷ Там же. Л. 297.

Нередко в документах не расписывались виды нарушений, а ограничивались указанием имени и вероисповедания воспитанника и указанием общей формы «за совершение кощунства»¹⁸, «совершенно нетерпимое поведение»¹⁹. Стоит отметить, что примеры нарушения для рассылки использовались со всей территории империи с указанием не только имен, но учебных заведений, не ограничиваясь рамками одного учебного округа. По соображениям этики приводить их полностью не имеет смысла, поэтому будем ограничиваться типологией нарушений и временем их происхождения.

В качестве мер по борьбе с растущей напряженностью в школе циркулярно предлагались меры по «воспитанию в средней школе» о наращивания связи школы с семьей, в числе которых были: внимание к преподаванию Закона Божьего, повышение воспитательного значения образовательных предметов, введение воспитательных комиссий, наращивание значения физического воспитания в школе, эстетическое воспитание (увеличение часов рисования, посещение культурных мероприятий), использования института социального воспитания и товарищества, расширение экскурсий, различия в постановке преподавания и воспитания в мужских и женских учебных заведениях, усиление роли родительских комитетов²⁰. Нетрудно заметить, что вполне здраво звучащие предложения, которые могли влиять на ситуацию в долгосрочной перспективе, мало воздействовали на растущую кризисную ситуацию в школе в период военного времени и не снижали степень радикализации общества.

Третью группу в период войны в циркулярах составили политические правонарушения и пропаганда против военных действий. Эта группа так же занимала около трети от общего числа циркуляров об ограничении доступа к обучению и активизировалась в 1916 г., когда социальный и политический кризис в обществе в связи с военными действиями стал проявляться достаточно явно. В этой группе циркуляров фигурировали иные формулировки, согласно которым наказывали за «письма, составленные в непристойных выражениях и оскорбительные для нравственного и патриотического чувства русских людей»²¹, «распространение противоправительственных прокламаций»²². Встречаются письма, наказывающие за «резкое осуждение патриотических чувств уче-

¹⁸ Там же. Л. 319.

¹⁹ Там же. Д. 30. Л. 174.

²⁰ Там же. Л. 44.

²¹ Там же. Л. 277.

²² Там же. Л. 107.

ников, желавших поступить добровольцами в армию»²³, «дерзкое проявление сочувствия врагам России»²⁴, а также оскорбительные высказывания и действия в отношении императора или официальных портретов представителей династии²⁵. Надо отметить, что на рубеже веков символическая сторона воспитательной работы была достаточно широко представлена. Портреты монархов, военных, ученых закупались в каждом учреждении и были предметом постоянной заботы администрации. Частыми были в период первой мировой войны ограничительных правил оставались формулировки исключить из гимназии за «документы, весьма компрометирующие в политическом отношении», «ввиду политической неблагонадежности»²⁶. Подобная формулировка, вполне вписывающаяся в практику советского образования, как уже отмечалось, встречалась и до революции, что говорит о высоком уровне политического напряжения в средней школе.

Целый ряд нарушений сложно систематизировать, так как они не попадали под прямое ограничение на право обучения через циркуляр ввиду массовости нарушений и сложности их фиксации. Например, ряд циркуляров (5 писем) касались ограничительных мер коллегиально и безлично и носили предписывающий характер. В них не было отмечено конкретное лицо, наказываемое за правонарушение, но инструктивно указывалась необходимость решать проблему на месте. Например, к таким ситуациям относились вопросы незаконного приписывания евреями себе религиозного статуса христиан для продолжения обучения, непредставление достоверной документации о семье, посещение кинотеатров (по причине аморального содержания сеансов – «адюльтера»), запрет на исполнения танца танго как несоответствующего моральному облику общества и др.²⁷ Такие нетрадиционные ситуации предписывалось решать на месте, проводя разъяснительную работу, а в случае систематического повторения – приостанавливать обучение в учреждении. Очевидно, что происходило расширение использования практики применения ограничений на право обучения ввиду явного увеличения количества и уровня нарушений, которые стали не только более серьезными, но и более распространенными.

²³ Там же. Д. 20. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 175.

²⁵ Там же. Д. 27. Л. 188.

²⁶ Там же. Д. 30. Л. 145, 195, 218.

²⁷ Там же. Д. 15. Л. 83.

Нельзя сказать, что у правительства растущее социальное напряжение в школе не вызывало тревоги и реакции. Однако большинство предложенных мер носили декларативный и формальный характер. Предлагалось, например, проводить патриотические беседы, увеличить число патриотической литературы, усилить программы пожертвований для фронта, повесить портреты героев войны и августейших особ и т. д.

Любопытное наблюдение можно сделать по циркулярам, связанным с рекомендациями учреждениям принимать литературу для библиотек гимназий и реальных училищ, начиная с 1905 г. В конце XIX в. подавляющее большинство литературы, рекомендуемой для приобретения учреждениями, носило сугубо предметный и образовательный характер. В течение года в учреждении могло отложиться более двух десятков рекомендаций по книгам для сопровождения преподавания различных дисциплин. В начале XX в. в циркулярах резко увеличивается количество рекомендуемой литературы по патриотической тематике, биографиям выдающихся людей, просветительским журналам и даже книгам по психологии, которые не имеют прямого отношения к преподаваемым дисциплинам. Эти материалы всякий раз шли с пометкой как необходимые для воспитательной работы с учениками.

Реальное положение дел в образовании стремительно менялось и носило нелинейный характер. Усиление мер по воспитательной работе сопровождалось целым рядом явных послаблений. Циркуляры, начиная с 1915 г., содержат целый ряд нововведений, смягчающих часть запретов в жизни школы, за которые в прежнее время можно было лишиться статуса обучающегося. Например, фактически снимаются жесткие запреты на квотирование числа евреев в учебном заведении²⁸, ношение формы по общепринятому образцу, соблюдение расписания учреждения с использованием экстерната, разрешения обучаться переселенцам без представления полной информации о себе, разрешение принимать в начальные классы учебных заведений без испытаний и годовых отметок²⁹. Утверждения о необходимости сохранять порядок в учреждениях чередовались с фактическим признанием отступлений администраций учебных заведений от правил работы³⁰.

Следует отметить, что все указанные циркулярные письма лишили права на обучение только учеников мужского пола. Воспитательная работа в женских учебных заведениях заметно отличалась

²⁸ Там же. Л. 179.

²⁹ Там же. Д. 30. Л. 125.

³⁰ Там же. Д. 15. Л. 90.

от мужской и случаи попадания воспитанниц гимназий в имперские циркуляры с запретом на обучение большая редкость. Это не означает полного порядка работы в женских гимназиях. Это скорее говорит о значительной разнице в поведенческих правилах в обществе, когда полноценного равенства в обществе не сформировано, а основное внимание попечителей сосредоточено на социальных и военных задачах.

Заключение

В циркулярах Министерства народного просвещения применение суровых мер по ограничению права обучения в средних учебных заведениях до начала XX в. носило фрагментарный характер. С 1902 г. усложнение общей ситуации в обществе поставило под угрозу нормальный процесс обучения, что заставило активно использовать ограничения на право обучения. В 1905 г. подавляющее большинство циркулярных ограничений на право обучения носило политический характер. В период первой российской революции произошел резкий скачок политических нарушений в гимназиях и училищах, что было связано с активной протестной кампанией и началом открытой политической жизни в стране. До 1905 г. необходимости в таких жестких мерах не наблюдалось и процесс обучения шел по достаточно понятной и мало меняющейся траектории.

С 1911 г. в циркулярах происходит лавинообразный рост применения 19-го пункта правил поведения в гимназиях и прогимназиях. Помимо политических мотивировок активно растут уголовные и административные преступления в примерно равных пропорциях. В период первой мировой войны в самостоятельную группу нарушений выделились преступления против государства и антивоенная пропаганда.

Средняя школа вступила в период социального кризиса заметно позже, чем система высшего образования, но сделала это более резко и лавинообразно. Ужесточение наказаний за поведение учеников к первой мировой войне сочеталось с реальным распадом единой системы управления образованием. Усиление санкций в виде ограничения на право обучения сочеталось с смягчением многих норм управления образовательным процессом. Применение самых жестких мер ограничения допуска к образованию к периоду первой мировой войны в сочетании с мерами дерегулирования и смягчения контроля над многими аспектами образовательного процесса иллюстрирует общую тенденцию потери правительством контроля над ситуацией в обществе.

Литература

- Любжин 2018 – Любжин А. Образовательные пилотные проекты эпохи Александра II // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 326–333.
- Овчинникова, Козлова, Бозиев 2016 – Овчинникова А.В., Козлова Г.Н., Бозиев Р.С. Взаимоотношения власти и общества в сфере общего образования России второй половины XIX – начала XX в. // Педагогика. 2016. № 6. С. 89–99.
- Пашкова 2011 – Пашкова Т.И. Учащиеся средних учебных заведений Петербурга в первые месяцы революции 1905 г. // Политическая история России XX в.: К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2011. Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2011. С. 93–104.
- Пашкова 2014 – Пашкова Т.И. «Учительский бунт» (к истории волнений в Санкт-Петербургском Первом реальном училище в 1905–1906 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: «История». 2014. Вып. 3 (26). С. 132–142.
- Перцев 2016 – Перцев В.В. Дореволюционная гимназия как воспитательная система // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 3. С. 41–45. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16047.htm> (дата обращения 28 ноября 2024).
- Хаминов 2022 – Хаминов Д.В. Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 285–299.

References

- Khaminov, D.V. (2022), “The system of general and higher education in the Russian Empire. Principles and directions of state policy, regulatory framework and governing bodies (historical and legal aspect)”, *Tomsk State University Journal*, no. 474, pp. 285–299.
- Lyubzhin, A. (2018), “Educational pilot projects in the Reign of Alexander II”, *Tetradī po konservatizmu*, no. 3, pp. 326–333.
- Ovchinnikova, A.V., Kozlova, G.N. and Bozиеv, R.S. (2016), “The relationship between government and society in the field of general education in Russia in the second half of the 19th–early 20th centuries”, *Pedagogics*, no. 6, pp. 89–99.
- Pashkova, T.I. (2011), “Students of secondary educational institutions of St. Petersburg in the first months of the 1905 revolution”, in Gal’perina, B.D. and Nikolaev, A.B., eds., *Politicheskaya istoriya Rossii XX v.: K 80-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva: Sbornik nauchnykh trudov* [Political history of Russia of the 20th century. On the 80th anniversary of professor Vitalii Ivanovich Startsev. Collected scientific papers], Izdatel’stvo RGPU im. A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia, pp. 93–104.

- Pashkova, T.I. (2014), “‘Teachers’ revolt’ (on the history of unrest in the St. Petersburg First Real College in 1905–1906)”, *Perm University Herald. History*, Publishing Center of Perm University Press, Perm, vol. 26, iss. 3, pp. 132–142.
- Pertsev, V.V. (2016), “Pre-revolutionary gymnasium as educational system”, *Concept: Scientific and methodological electronic journal*, no. 3, pp. 41–45, available at: <http://e-koncept.ru/2016/16047.htm> (Accessed 28 Nov. 2024).

Информация об авторе

Евгений В. Шандулин, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140; shandulin@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9077-1092

Information about the author

Evgenii V. Shandulin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; 140, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, Russia, 344006; shandulin@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9077-1092